

**ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«ВКУС СТРАХА»:**

Одиночные романы:

«Проклятая княжна» Евгения Кретова
«Шёпот Морены» Евгения Кретова
«Брусничное Солнце» Лизавета Мягчило
«Академия “Терем,,» Кристина Миляева

**ДИЛОГИЯ «ПРОКЛЯТАЯ ДЕРЕВНЯ»
ЛИЗАВЕТЫ МЯГЧИЛО:**

«Змеиные боги»
«Малахитовое сердце»
«Проклятие рода Прутяну»

Лизавета Мягчило

Проклятие
рода
Прутяну

Москва
2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М99

Иллюстрация на обложке *Lotur Norn*
Художественное оформление
Миланы Корягиной, Алёны Шороховой
и *Лизаветы Мягчило*

Мягчило, Лизавета.

М99 Проклятие рода Прутяну / Лизавета Мягчило. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с. — (Young Adult. Вкус страха. Мистические истории).

ISBN 978-5-04-222828-5

После гибели родителей писательница Тсера забирает младшего брата из родного города и переезжает в старинный особняк, доставшийся им от тетки. Но вместо слов по белоснежным листам скользят капли крови. С каждым днем девушка все больше погружается в наследие семьи: тайные ходы в библиотеке, странные дневники безумной родственницы и гроб с иссохшим телом. Совсем скоро она поймет, что стены старинного особняка возведены не для защиты, а для того, чтобы удерживать проклятие рода внутри. И когда дом откроет для нее все двери, останется лишь один вопрос: сколько же крови нужно, чтобы утолить его жажду?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Лизавета Мягчило, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-222828-5

ГЛАВА 1

МЫ — ЕДИНСТВЕННОЕ,
ЧТО ОСТАЛОСЬ

Зимой дороги у гор Бучеджи были коварны и капризны — нередко Тсера видела печальные картины, мелькающие в телевизоре: прикрытые темными брезентами тела, диктор выводил на первый план окоченевшего от холода журналиста с красным носом и стоящие на заднем плане машины скорой. Удручающая картина. После нее праздничные рекламы казались нелепыми и слишком яркими, но людям свойственно быстро забывать плохое, если оно не касается их напрямую.

Будто издеваясь над ней, внутренний голос монотонно бубнил то об одной аварии, то о другой. Пальцы, вцепившиеся в руль, стали влажными. Мрачный настрой младшего брата не позво-

лял расслабиться. Дечебал сидел на переднем пассажирском сиденье, глухо клацая по планшету и недовольно ежась. Стоило Тсере немного расслабиться, как он поднимал темно-карие глаза на дорогу и страдальчески вздыхал, морщась с таким отвращением, что сводило скулы. На третьем часу пути она сдалась, на мгновение скосила на него взгляд, поджала губы.

— Что-то не так?

— Я еду в богом забытое место только потому, что ты не умеешь переживать горе. Все нормально, Тсера, совсем ничего, что свой выпускной год я хотел бы провести в комфортной обстановке в кругу знакомых людей. Пригласить Ани на последний вечер, в конце концов.

Он заводил эту песню каждый день, ничем новым это не обернулось бы... Но она, не оставляя попыток растолковать истинное положение дел, каждый раз ввязывалась в этот разговор. И, сокрушенная, махала рукой, пытаясь спастись бегством от внимательного взгляда ворчливого подростка.

Их родители погибли в собственном доме год назад, пока дети отдыхали, хохотали и танцевали в гостях у общего друга. Тсера много думала об этом — если бы они остались дома, может, она смогла бы услышать крадущегося по ночным коридорам грабителя? Быть может, это ее вина? И каждый раз Тсера старалась грубо

себя одернуть: они погибли бы все вместе. Кто не спит в четвертом часу утра?

Но каждую ночь ей продолжали сниться кошмары: липкий пол под босыми ступнями и тонкая кисть мамы, свисающая с кровати. Тсера заметила ее первым делом, когда заглянула в приоткрытую дверь. Просыпаясь, пытаясь схватить хоть немного стылого воздуха губами, она неизменно видела темный силуэт в дверном проеме: кошмар не желал разжимать своих цепких пальцев, он преследовал ее наяву.

Верно, каждый горюет по-своему, каждый должен это пережить, но порой Тсера не могла переступить порог собственного дома — она цеплялась за дверной косяк и беспомощно опускалась на колени. Трижды престарелая, дошедшая до маразма соседка вызывала службу опеки, пытаясь убедить сотрудников, что сумасшедшая молодая девчонка не может стать опекуном собственного брата.

«Вы только посмотрите, она разрушит мальчонке психику, его нужно спасать!»

Тогда она глушила нервный смех, закусывала внутреннюю сторону щеки так, что рот наполнялся солью. А тем временем единственный, способный довести до сумасшествия, невинно хлопал глазами, протягивая вызванным сотрудникам по кусочку яблочно-медового штруделя.

«Тсера — единственный свет в моей жизни, вы даже не представляете, насколько она заботлива».

А когда представители опеки уходили, отряхивая с длинных, по-мышьиному серых юбок крошки, он осуждающе сжимал челюсти, впирався в предплечья сестры сильными длинными пальцами, отчаянно встряхивал.

«Очнись, Тсера, возьми себя в руки, мы — единственное, что осталось друг у друга».

И она старалась. Правда старалась. Делала сармале по воскресеньям, а по средам, когда приходили его друзья, — коричные рогалики. Она готовила, стирала и убирала, поставила на паузу свою жизнь. Просто пытаюсь прийти в себя, убедить, что все не кончено. Она все еще жива.

Не получив от сестры никакого ответа, Дечебал громогласно фыркнул, зло дернул на себя дверцу бардачка и швырнул в него планшет.

— Тебе Эйш уже двенадцатый раз звонит, должно быть, что-то важное.

— Я за рулем. — Коротко и ясно. Она и сама прекрасно чувствовала вибрацию у собственного бедра, но чертова метель не давала отвлечься ни на мгновение. Казалось, порывами ветра сметет сами горы, сойдут лавины. Не самый лучший день для переезда, но она боялась передумать.

— Без проблем. Тогда я сам. — Она не успела убрать руку с руля, когда вредный говнюк дернулся в ее сторону, натягивая ремень безопасности. Палец быстро нажал на разблокировку, и салон наполнился возмущенным голосом ее литературного агента:

— Святые мученики... Копош, ты в своем уме? Как ты могла сбежать после такой чудесной новости?! Еще один дополнительный тираж, Тсера, еще один! Если ты продолжишь в том же духе, Общество румынских писателей и издательство знаешь куда тебя пошлют? В задницу, Тсера, в самую глубокую и безвылазную! Уму непостижимо, она создала лучшую книгу года, нет, столетия! И затихла... Я не могу выбить из тебя новую рукопись уже год, ни одной страницы или идеи. Скоро твои гонорары подойдут к концу, и ты себе даже жалкого куска хлеба не купишь, будешь жить в горестности и рванье!

Чем громче становился поток воплей, тем ярче расцветала улыбка на губах Дечебала. Мелкий засранец рисковал остаться без еды на ближайшие две недели. Тсера обреченно втянула воздух трепещущими ноздрями и шумно выдохнула. Эйш по ту сторону телефона выдохлась, теперь слышались шумные звуки глотков, видимо, та решила промочить горло перед следующим фееричным заходом. Стоит отме-

тить, Тсера вполне удачно уворачивалась от этого разговора последние два месяца. Постоянно печатающиеся тиражи ее прошлого романа позволяли еще какое-то время не думать о будущем. Она невероятно прекрасно писала про любовь. И никогда сама ее не чувствовала.

Звуки глотков закончились, послышался глубокий вдох, и Тсера поспешно заговорила, не позволяя новой тираде обрушиться на ее несчастную голову:

— Погоди, Эйш, стой. Я сейчас как раз занимаюсь работой, тебе не о чем больше беспокоиться.

Редактор по ту сторону мобильного подавилась воздухом, закашлялась.

— Ты правду говоришь?

Мелкий поганец тут же поднес трубку к своим губам и широко осклабился, в напускном осуждении качая головой.

— Она бросила дом, доверив его непонятым личностям, и тащит мою задницу в Бра-тишор... Не пишет она ничего, Эйш, ноутбук погребен под ее ночными панталонами с зелеными рюшечками. Тсера решила, что прожить год в дыре — лучшая идея. И ты ее оттуда никак не достанешь.

Подлил кипятка, умничка. Голодные времена, которые она пророчила Дечебалу, сроком

увеличились до трех недель, добавилась идея о порке. Тсера осуждающе покачала головой, сбавляя скорость — скоро они прибудут. Если навигатор не врал, этот участок дороги еще долгое время будет каменистым и узким, стоило быть внимательнее.

— Не бросила, а сдала, чтобы у нас была возможность вытянуть все прихоти моего капризного младшего брата, не продавая почек. Мне нужно уладить дело с домом тетушки, думаю, мы справимся меньше чем за год и выгодно его продадим.

— У тебя была тетушка в Братишоре?

— Так и есть. Она оставила завещание, передав все нам. Совсем недавно узнала и о ее существовании, и о самом доме. Не оставлять же его там разваливаться, когда можно продать любящей семье.

— Или серийным маньякам. Он может стать цитаделью зла по твоей вине. — Дечебал хохотнул, помахав рукой с телефоном едва ли не у самого ее носа. Пришлось резко пригнуться, чтобы не потерять дорогу из виду. Не глядя, Тсера оторвала одну руку от руля и наугад сунула ее вбок с оттопыренным средним пальцем. По нему сразу же прилетел щелчок. Больно, обидно и незаслуженно.

— Ладно, Эйш, отключайся, я за рулем и не могу сейчас говорить.

— Как скажешь, дорогая. Удачи с продажей домишки, и я жду от тебя грандиозную идею к концу следующей недели. Порази меня!

Раздались короткие гудки, Тсера медленно выдохнула, расслабляя спину и удобнее усаживаясь на сиденье.

— Ну и чего ты добился этим?

— Скорейшего возвращения в Бухарест.

На мгновение она перевела взгляд на брата: тонкая линия челюсти напряжена, глаза сужены, а губы поджаты. Он действительно верил в то, что говорил, Тсера тяжело вздохнула.

— Это так не рабо...

— Тсера, горностаи!

Сердце пустилось в испуганный галоп, ударило куда-то в глотку. Тсера успела заметить лишь черный кончик хвоста и резко вывернула руль в сторону, с ужасом понимая: она теряет управление. Машину занесло, она проехала у мелкой тушки резво улепетывающего зверька, едва не задев его капотом, и повернула боком. Задние колеса оказались в опасной близости от пропасти, а Копош никак не могла вывернуть руль, паника сжала горло.

Закричал Дечебал, хватаясь за руль. Ее швырнуло виском о боковое стекло, и мир вокруг полыхнул алым, заставляя коротко вскрикнуть. Сверху упал брат. Уперся носом в ее колени,

зажимая свободной ладонью не тормоз, а газ, он вывернул руль в сторону дороги. И машина принялась выравниваться.

Тсера слышала лишь шум крови в ушах, перед глазами плясали черные пятна. Адреналиновая волна не позволила понять сразу, что Дечебал отстегнул ремень безопасности и сел прямо к ней на ноги, перехватывая управление. Ему пришлось изрядно повозиться, чтобы усесться удобнее и пригнуться, улучшая себе обзор дороги.

— Ты несовершеннолетний...

— А еще я веду машину, сидя на твоих коленках. У нас передний привод, Тсера, нельзя тормозить во время заноса. Давай остановимся, и ты пересядешь, столько часов в пути. Выйди сейчас на дорогу серна, ты и ее не заметишь.

— Как я до этого жила без информации о приводах... Серна куда крупнее, ее бы я не пропустила.

Пока они доехали до широкого участка дороги с безопасной обочиной, Дечебал отдавил ей все ноги своим острым задом и трижды ударил локтем по ребрам. Настроение упало ниже некуда.

Вскоре появилась старая, погнутая с одного края табличка с названием города, брат тяжело вздохнул и передернулся, взбадриваясь. Навигатор показывал, что им нужно было съехать

с центральной дороги и повернуть к широкой полосе разрастающегося леса. Дом почившей тетушки стоял на отшибе, на громадном взгорке. За ним, внизу, в небольшой ложине с редкими искореженными старостью и ядовитой почвой деревьями, притаилось древнее, давно не используемое горожанами кладбище.

— Вместо нормального города я ожидал увидеть развалины и толпы шатающихся пьяниц, но все выглядит довольно... стандартно?

Каждый раз, когда Дечебал оборачивался на мелькающий за окном магазинчик, Тсера нервно вздрагивала и тянулась к рулю. Он отмахивался и возвращал взгляд на дорогу.

Братишор оказался вполне приятным на вид городком с населением шесть тысяч двести сорок три человека. Мимо проплывали уютные ресторанчики с закрытыми на зиму террасами, продуктовые магазины и темно-коричневые дома с широкими участками. Жители не ютились в узких квартирах, могли позволить себе газон и забавных садовых гномов у почтовых ящиков. На окраине Дечебал громко расхохотался, указывая на выбивающуюся из общей картины темную постройку: сделанная на манер старых замков, она была удивительно миниатюрной, а на табличке над входом огромными буквами с завитушками красовалось название «Магия и Эзотерика».

У бывшего родового гнезда соседей не было — асфальт перешел в прикрытую сугробами промерзшую грязь. Двигатель машины натужно взревел, когда они поехали в гору. Но, к удивлению Тсеры, Дечебал не жаловался — его взгляд был прикован к дому.

О, посмотреть там было на что.

— Почему мама не рассказывала, что в детстве жила в замке Дракулы?

— Потому что это не он.

— Зануда.

Дом действительно напоминал замок — сделанный из крупного черного камня, огромный, в два этажа, с остроконечными шпилями, разрывающими серое зимнее небо. В нем было комнат десять, не меньше, и Тсера с грустью подумала, что продать эту громаду будет не так просто. Оставалось надеяться, что внутри все будет в целостности и хорошем виде. На ремонт в подобном месте у нее ушли бы все сбережения, про оплату отопления было страшно думать.

— Ты только погляди, это гаргули?

На коньках дома действительно расположились громоздкие каменные статуи. Проезжая через громко поскрипывающую дверцу распахнутых кованых ворот, Дечебал присвистнул, а Тсера сползла ниже по сиденью, внимательным взглядом цепляясь за величественно сложившиеся крылья статуи. На какой-то крошечный миг ей

